

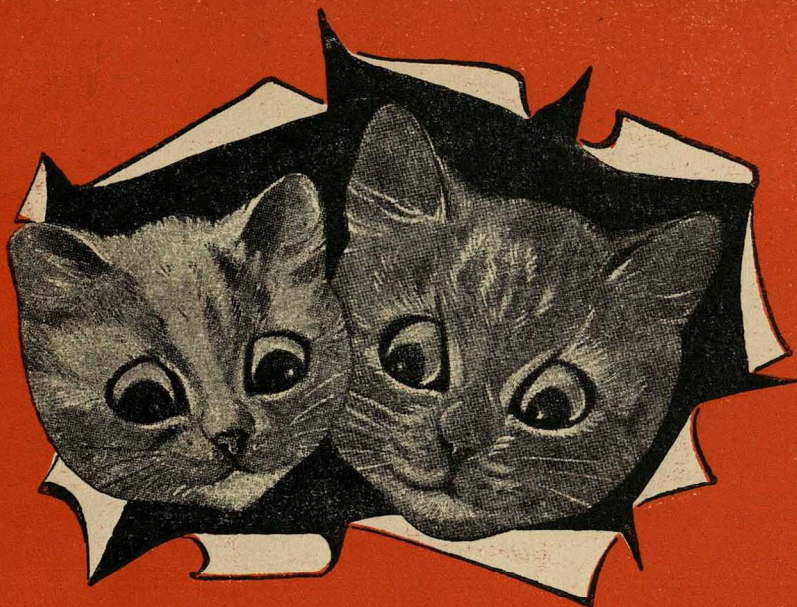
10
L/10

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВТОРОЙ.

МАРТЪ.

№ 9.

1909.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

СОДЕРЖАНІЕ:

ЖИВАЯ ИГРУШКА.
СИРОТА (повѣсть).
ВЪ ЛѢСУ.
АФОНИНЫ ИМЕНИНЫ.
ВЕСНОЮ ВЪ ГОРОДѢ.
ШАРАДЫ, ГОЛОВОЛОМКИ,
ПОЧТА и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Игра въ прыжки.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Кошки ее сначала боялись, а затѣмъ привыкли къ ней.

ЖИВАЯ ИГРУШКА.

Когда я былъ ребенкомъ, то мы жили въ Одессѣ. Однажды папа повелъ меня гулять на гавань, къ морю, гдѣ стояли у берега громадныя пароходы и корабли и нагружались. Въ одинъ пароходъ грузили живыхъ быковъ, на которыхъ надѣвали пояса, къ поясамъ прикрѣпляли цѣпь и посредствомъ машины поднимали ихъ на воздухъ и опускали затѣмъ въ пароходъ. Мы долго съ папой глядѣли на эту погрузку быковъ, какъ вдругъ кто-то тронулъ меня за плечо.

— Купите, господинъ, обезьянку!

Мы обернулись и увидали передъ собой матроса съ парохода «Петербургъ». Онъ держалъ на рукахъ маленькую мартишку, которая нѣжно обняла его лапкой за шею.

— Самъ привезъ изъ Адена... продолжалъ матросъ. — Купите, господинъ, останетесь довольны.

Папа сторговался съ нимъ, далъ ему деньги и обезьянка стала моею. Я съ радостью схватилъ ее, прижалъ ее къ себѣ, а она обѣими лапками обняла меня также за шею и я ужъ не помню, какъ я добѣжалъ до дома и какъ встрѣтила насъ мама.

Эта обезьяна стала впослѣдствіи моимъ лучшимъ другомъ и моею лучшей живой игрушкой. Мы такъ полюбили другъ друга, что, не видясь нѣкоторое время, начинали скучать. И если-бъ не переѣздъ нашъ изъ

Одессы въ Петербургъ, гдѣ меня отдали учиться, и гдѣ климатъ оказался очень не подходящимъ для обезьянки, то вѣроятно она долго-бы еще жила на свѣтѣ и долго продолжала-бы оставаться членомъ нашей семьи: она скончалась отъ чахотки.

Все время, пока она была жива, мы предоставляли ей полную свободу; она ходила по всѣмъ комнатамъ, взбиралась на столы, на шкафы, но всегда дѣлала это такъ ловко и осторожно, что никогда ничего не опрокидывала и не разбивала. Она очень любила влѣзть на стоявшее около нашего дома дерево; спрыгивала съ него на крышу и затѣмъ по водосточной трубѣ спускалась на землю. Это было ея любимымъ путешествіемъ. Когда мы переѣзжали лѣтомъ на дачу, то она сопровождала насъ на прогулки по окрестностямъ и по дорогѣ ловила бабочекъ и кузнечиковъ, которыхъ съѣдала съ большимъ аппетитомъ. При этомъ она часто кувыркалась по травѣ черезъ голову, какъ это дѣлаютъ мальчишки, или-же, подобравъ по дорогѣ палку, садилась на нее верхомъ и мчалась впередъ безъ оглядки. Одинъ разъ она выскочила изъ комнаты зимой и такъ обрадовалась снѣгу, что стала имъ обсыпаться. Это было для нея ново, такъ какъ снѣгу она не видѣла никогда, и онъ казался ей забавнымъ.

У насъ были двѣ кошки и двѣ собаки, маленькая и большая. Она очень любила играть съ маленькой собачкой и очень боялась большой. Когда большая нападала на нее, то она храбро вскакивала къ ней на спину и изо всѣхъ силъ начинала угощать ее оплеухами по обѣимъ щекамъ или-же, схвативъ ее за уши, начинала такъ за нихъ драть, что собака визжала, и забивалась затѣмъ къ себѣ надолго въ конуру. Кошки ее сначала боялись, а затѣмъ привыкли къ ней. Она часто надъ ними потѣшалась. Отыскавъ гдѣ-нибудь шарикъ или пробку, она катала ихъ по полу, а кошки, широко распушивъ свои хвосты, старались ихъ поймать, воображая, что это мышь. Дѣло всегда кончалось тѣмъ, что обезьянка ловко выхватывала эти шарикъ или пробку у нихъ прямо изъ-подъ носа и убѣгала.

Если ей случалось увидѣть въ травѣ лягушку, то она останавливалась, какъ вкопанная, и долго не отрывала отъ нея глазъ, но и не трогала ея. Вѣроятно, ее занималъ собою этотъ невиданный для нея звѣрь. Одинъ только разъ она попробовала было взять ее рукой, но потомъ долго нюхала себѣ пальцы и ладонь и дѣлала гримасы. Пришлось вымыть ей руку съ мыломъ.

У насъ былъ маленькій свѣтлый чуланчикъ подъ лѣстницей. Здѣсь въ уголку для обезьянки былъ поставленъ ящикъ съ сѣномъ и положено одѣяльце. Въ этомъ ящикѣ

обезьянка спала, причеиъ укрывалась по шею одѣяльцемъ, точь-въ-точь, какъ человѣкъ. Около ящика были разложены у нея ея игрушки: шарикъ, три пробки, резиновый мячикъ и мой деревянный солдатикъ. Болѣе всего она любила играть этимъ солдатикомъ и часто даже клала его съ собою спать. Иногда она брала всѣ свои игрушки и прятала ихъ по всѣмъ комнатамъ, между шкафами, за пианино и т. д. и съ серьезнѣйшимъ видомъ начинала ихъ потомъ искать. Разыскавъ всѣ до одной, она относила ихъ потомъ въ чуланъ и разставляла по своимъ мѣстамъ. При этомъ, входя въ чуланъ, она всякій разъ плотно закрывала за собою дверь. Прикасаться къ своимъ игрушкамъ она не разрѣшала никому, даже мнѣ, у котораго она сама же стащила деревяннаго солдатика и присвоила себѣ. Часто она воровала маленькіе блестящіе предметы и когда они пропадали, то мы всегда знали, гдѣ ихъ искать. Въ такихъ случаяхъ моя мама обыкновенно сажала ее къ себѣ на колѣни и безъ церемоніи запускала ей палецъ въ ротъ. Тамъ она опоражнивала ея защечные мѣшки и вытаскивала изъ нихъ камешки, гвозди, монеты, наперстки, пробки, орѣхи, однимъ словомъ все, что обезьянѣ удавалось стащить за день и спрятать себѣ въ ротъ.

У меня были книги съ картинками и я садился иногда на полу, на коврѣ, и начиналъ разсматривать картинки. Увидѣвъ это, обезьянка

тотчасъ-же присаживалась ко мнѣ и тоже начинала глядѣть въ книжки. Она очень любила перелистываніе книгъ и когда попадалась раскрашенная картинка, то она долго ее разглядывала. У меня была естественная исторія, гдѣ были въ краскахъ нарисованы разныя насѣкомыя, жуки, кузнечики, бабочки... Въ первое время, увидѣвъ такого нарисованнаго кузнечика или жука, она быстро хватала его съ книги и очень удивлялась, что онъ по-прежнему преспокойно оставался на страницѣ. Но скоро она догадалась, что такихъ насѣкомыхъ ѣсть нельзя. Когда же она видѣла изображеніе змѣи, то отворачивалась отъ него.

Кормили мы ее всѣмъ, чѣмъ питались сами. Она очень любила зеленый лукъ и почему-то набрасывалась всегда на горчицу. Молока она не любила вовсе, а мясное ѣла неохотно. Но къ чему она положительно имѣла вкусъ, такъ это къ черниламъ. У насъ не было въ домѣ чернильницы, изъ которой она не выпила-бы чернила. Если-же чернильница была устроена такъ, что ея нельзя было снять съ мѣста, то она обмакивала въ нее палець и обсасывала его, и дѣлала это до тѣхъ поръ, пока въ чернильницѣ не оставалось ничего. Сначала мы наказывали ее за это, думая, что ей это можетъ повредить, но оказалось, что отъ чернилъ она чувствовала себя превосходно. Она очень любила пить красное вино, а съ пива любила сни-

мать одну только пѣну. Мороженое приводило ее въ восторгъ. Земляника и крыжовникъ были для нея самыми вкусными ягодами. Но чего она положительно не выносила, такъ это табачнаго дыма: отъ него она чихала, морщилась и слезы текли у нея изъ глазъ.

Вставала она поздно, въ восемь часовъ утра. Прямо изъ своего чулана она шла въ столовую, гдѣ мама уже приготовляла кофе. Всякій разъ обезьянка боялась пропустить моментъ, когда мама зажигала спиртовку подъ кофейникомъ. Зажегши спиртъ, мама передавала спичку обезьянкѣ и та ее презабавно задувала, но не дуновеніемъ, а плевкомъ. Затѣмъ, ставши на заднія лапки, она серьезно начинала смотрѣть на голубоватое пламя спиртовки, а когда кофе начиналъ кипѣть, то это приводило ее въ восторгъ. У насъ былъ двухэтажный кофейникъ и кофе съ шумомъ переливалось въ немъ изъ нижняго этажа въ верхній; это-то переливаніе и занимало ея воображеніе. Отпивши кофе, я начиналъ учить свои уроки, а обезьяна шла въ прихожую, брала оттуда старую головную щетку и торжественно вручала ее мамѣ. Мама начинала ее чистить этой щеткой отъ макушки головы и вплоть до кончика хвоста и это такъ нравилось обезьянкѣ, что она готова была простоять передъ мамой цѣлые часы. Но стоило только мамѣ начать мыть ей мордочку, да еще съ мыломъ, какъ это приводило ее въ ужасъ.

Къ нашимъ гостямъ она относилась различно: однихъ любила, а другихъ прямо ненавидѣла. Къ тѣмъ, кого она любила, она приставала, дергала ихъ за платье и вообще съ ними заигрывала. Она влѣзала имъ на плечи, любила полежать у нихъ на колѣняхъ или порыться у нихъ въ бородѣ. Тѣмъ-же, кого она не любила, она высовывала языкъ, а иногда прямо-таки бросалась на нихъ. Такими нелюбимыми были для нея тѣ, кто сознательно наступалъ ей на ногу или на хвостъ, или-же нарочно обдавалъ ее изо-рта табачнымъ дымомъ. Но что было удивительнѣе всего, такъ это то, что она любила веселыхъ, благодушныхъ людей и ненавидѣла людей ворчливыхъ и угрюмыхъ. Къ моимъ-же сверстникамъ и вообще ко всѣмъ дѣтямъ она относилась чисто по-братски: любила играть съ ними и прощала имъ всѣ ихъ иногда злыя обиды.

Но особенную привязанность обезьянка проявляла къ моей мамѣ. Она любила ее, все время была около нея и когда однажды моя мама опасно заболѣла, то она сразу какъ-то перемѣнилась: стала печальной, тихой, задумчивой, перестала играть и ѣсть и цѣлые часы просиживала у двери въ ея спальную, куда ее не пускали изъ боязни, чтобы она не выпила лекарства. Когда-же ее впустили какъ-то къ мамѣ на одну только минутку, то радостямъ обезья-

янки не было конца: она бросилась къ мамѣ въ постель, нѣжно прижалась къ ней и горячо обнимала ее за шею.

Обезьянка эта никогда не кричала все однимъ и тѣмъ-же голосомъ, какъ наприимѣръ это дѣлаютъ кошки или собаки; напротивъ, радость она выражала однимъ голосомъ, непріятное настроеніе другимъ и такихъ нотъ мы насчитывали у нея цѣлыхъ четырнадцать. Очень возможно, что она могла-бы даже и пѣть, если-бы Творецъ далъ ей понятіе о пѣніи.

Обезьянка эта очень любила солнце. Стоило только показаться хоть на минуту солнечному лучу, какъ она оборачивалась къ нему лицомъ, становилась на заднія лапы и начинала кивать ему головой. При этомъ она дѣлала ему знаки, манила его къ себѣ и радостно кричала ему что-то на своемъ обезьяньемъ языкѣ. Когда-же лучъ солнца появлялся на стѣнѣ, то она бросалась къ нему и старалась схватить его руками.

Это милое созданіе, этотъ нашъ близкій другъ, наша очаровательная живая игрушка все-таки не могла перенести нашего петербургскаго климата и на третью зиму зачахла и умерла. Мы долго плакали по ней и, когда ея не стало, долго не могли привыкнуть къ мысли, что ея уже нѣтъ.

С. Вершининъ.

СИРОТА.

По разсказу **Ф. Бернеттъ** ¹⁾.

1.

Г-жа Минчинъ жила въ Лондонѣ, въ высокомъ большомъ, угрюмомъ домѣ. Все вокругъ этого дома было однообразно и тоскливо. Даже воробы, которые чирикали на деревьяхъ, кричали тоже какъ-то однообразно и не такъ, какъ въ другихъ кварталахъ Лондона. На дверяхъ г-жи Минчинъ была прибита бронзовая доска съ черной надписью:

«Пансіонъ г-жи Минчинъ для благородныхъ молодыхъ дѣвицъ».

Маленькая Сара Крю никогда не входила и не выходила изъ дому, чтобы не прочесть и не задуматься надъ этой надписью. Когда-же ей минуло двѣнадцать лѣтъ, то она рѣшила, что причина всѣхъ ея горестей и невзгодъ кроется именно въ томъ, что она не благородная. Отецъ привезъ ее изъ Индіи восьмилѣтнимъ ребенкомъ. Мать давно умерла. У нихъ не было никакихъ знакомыхъ въ Лондонѣ, ни одной близкой семьи, кому бы можно было ее поручить, о пансіонѣ же г-жи Минчинъ шла хорошая слава, были похвальные отзывы.

Все это смѣтливая Сара поняла изъ разговора отца съ начальницей, когда онъ опредѣлялъ ее въ этотъ пансіонъ.

Покончивъ дѣловые переговоры, капитанъ Крю взялъ съ собой свою дочь Сару и объѣхалъ съ нею всѣ лучшіе магазины Лондона. И надо было быть именно такимъ неопытнымъ отцомъ, какъ онъ, чтобы закупить ей весь этотъ ненужный хламъ. Шелкъ, бархатъ, кашемиръ, тончайшее бѣлье, обшитое дорогими кружевами, все забиралъ онъ для своей восьмилѣтней Сары. Стоило только модисткѣ похвалить свой товаръ, какъ онъ тотчасъ-же прибрѣталъ его для Сары. Въ пансіонъ они вернулись въ каретѣ, перегруженной всякими дорогими покупками. Сара же держала въ рукахъ очень нарядную куклу, чуть не съ нее самоѣ ростомъ. Она назвала ее Эмилией.

Отваливъ значительную сумму денегъ начальницѣ, отецъ уѣхалъ. Дочь осталась въ полномъ отчаяніи! Нѣсколько дней не прикасалась она ни

¹⁾ St.-Nicolas. Vol. XV. New-York. «Sarah Crew».

къ завтраку, ни къ обѣду, ни къ чаю, ни къ куклѣ и только, сидя около окна, въ уголку, все плакала и плакала безъ конца. Она плакала до тѣхъ поръ, пока не заболѣла. Она обожала своего отца и никто не могъ заставить ее думать, что пансіонъ г-жи Минчинъ въ Лондонѣ лучше Индіи и ихъ тамошняго дома. Съ момента поступленія она возненавидѣла и саму г-жу Минчинъ и ея сестру Фреду и не обращала ни малѣйшаго вниманія на это кроткое, смиренное существо, видимо боявшееся своей старшей сестры. Г-жа Минчинъ была высокаго роста съ большими, холодными, рыбьими глазами и большими холодными руками, которыя тоже казались рыбьими.

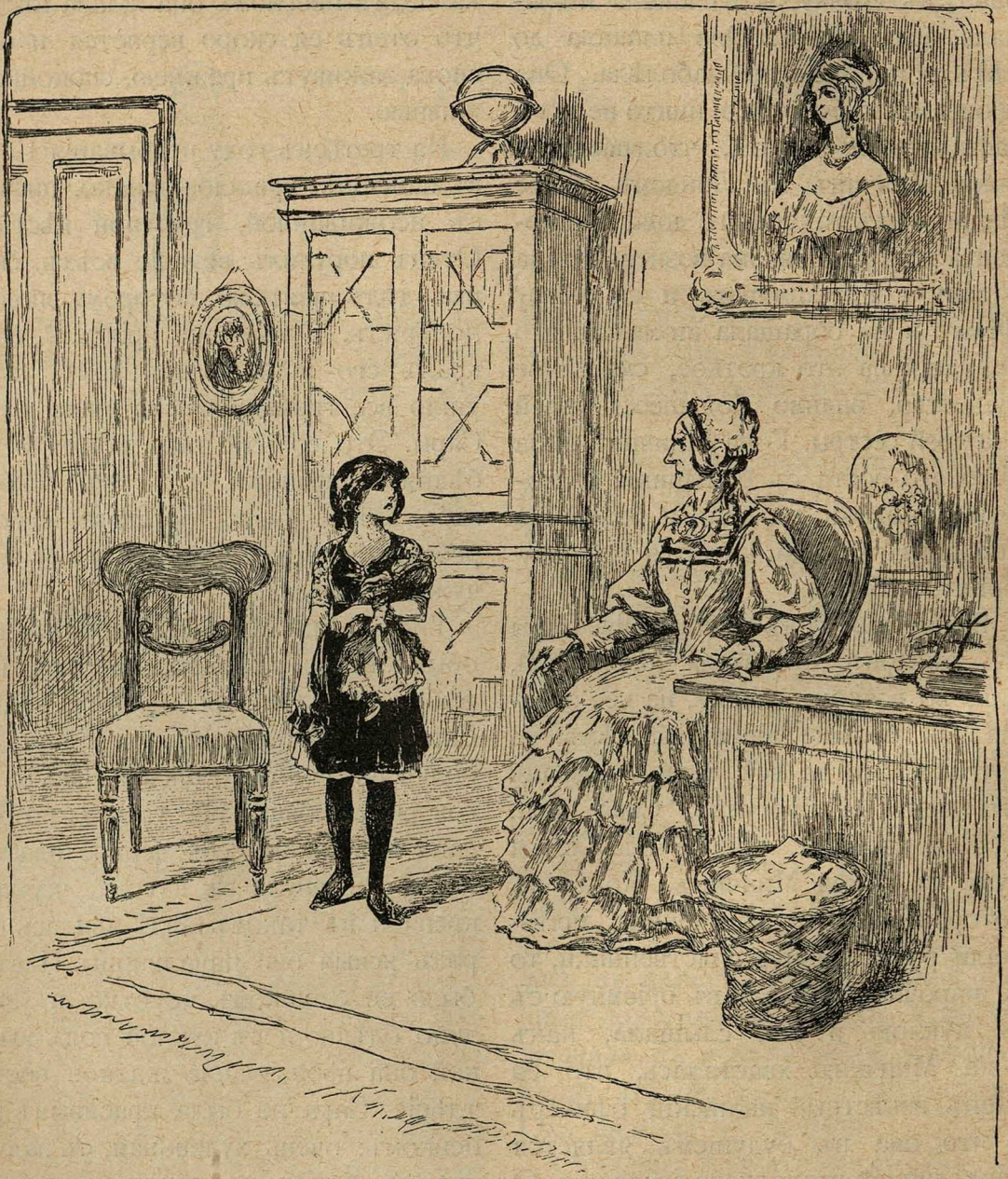
Въ первый годъ пребыванія Сары въ пансіонѣ, она была любимицей, или, во всякомъ случаѣ, на нее обращалось больше вниманія, чѣмъ на другихъ. Когда всѣ дѣвицы парами выходили на прогулку, Сара шла, одѣтая въ свое лучшее платье, за руку съ г-жей Минчинъ. Когда къ которой нибудь изъ ученицъ пріѣзжали родители или родственники, то ее нарочно вызывали въ пріемную съ ея куклою и она слышала, какъ г-жа Минчинъ хвасталась, что ея отецъ извѣстный индійскій офицеръ и что она въ будущемъ является наслѣдницей громаднаго состоянія. О томъ, что ея отецъ получилъ большое наслѣдство, Сара слышала еще раньше и знала, что все это со временемъ будетъ ея; знала она и то,

что онъ скоро броситъ службу въ Индіи и вернется въ Англию. Съ каждымъ письмомъ она ждала вѣсти, что отецъ ея скоро вернется и они снова заживутъ прежнею, спокойною жизнью.

На третьемъ году пребыванія Сары въ пансіонѣ, пришло, однако, письмо съ неожиданной, грустной вѣстью. Отецъ поручилъ веденіе всѣхъ своихъ дѣлъ пріятелю, которому вполне довѣрялъ. Этотъ же пріятель обокралъ его и никто не зналъ, куда ушло все громадное состояніе отца Сары. Это событіе такъ повліяло на бѣдняго офицера, что онъ вскорѣ заболѣлъ и умеръ, оставивъ своего ребенка круглою сиротою на рукахъ чужихъ людей.

Глаза г-жи Минчинъ смотрѣли необыкновенно холодно, совсѣмъ по-рыбьи, когда въ ея комнату вошла Сара, за которой она послала по полученіи рокового письма. Никто не говорилъ ребенку про трауръ, но она сама надѣла на себя черное платье, куклу завернула въ кусокъ чернаго крепа и въ такомъ видѣ явилась передъ ясныя очи начальницы. Платье было ей слишкомъ коротко и узко, лицо блѣдно и съ куклой подъ мышкой она производила жалкое впечатлѣніе. Сара не была красивымъ ребенкомъ: очень худенькая, съ задумчивымъ, блѣднымъ личикомъ, короткими черными волосами и сѣровато-зелеными глазами, отгѣненными длинными черными рѣсницами, она не нравилась съ перваго взгляда никому.

Платье было ей слишком коротко и узко, лицо блѣдно и, съ куклой подъ мышкой, она производила жалкое впечатлѣніе.

Положивъ куклу на колѣни и склонивъ на нее свою черненькую головку, она молча, безъ движенія, сидѣла подъ окномъ.

— Оставь куклу, сказала г-жа Минчинъ.

— Нѣтъ, отвѣтила дѣвочка. Съ тѣхъ поръ какъ папа умеръ, это все, что у меня осталось на свѣтѣ.

Сара никогда не была послушнымъ ребенкомъ и теперь на ея лицѣ была написана такая рѣшительность, предъ которой даже г-жа Минчинъ почувствовала себя неловко и рѣшила больше не настаивать. Повернувшись къ Сарѣ, она строго заговорила:

— Скоро тебѣ не будетъ времени заниматься куклами; съ сегодняшняго дня ты должна быть хоть чѣмъ нибудь полезной для нашего пансіона.

Сара съ широко-раскрытыми глазами молча посмотрѣла на начальницу.

— Все измѣняется для тебя, продолжала начальница.—Я послала за тобой, чтобы выяснить тебѣ нѣкоторые вопросы. Твой отецъ умеръ. Ни друзей, ни денегъ, ни дома, ни кого нибудь, кто бы могъ заняться твоимъ воспитаніемъ, у тебя нѣтъ.

Смуглое личико Сары передернулось, но ея сѣровато-зеленые глаза продолжали въ упоръ смотрѣть на начальницу, губы были сжаты, она молчала.

— Что ты смотришь на меня? воскликнула г-жа Минчинъ.—Или ты такъ глупа, что не понимаешь, что я тебѣ говорю? Я повторяю тебѣ, что ты совсѣмъ одна на свѣтѣ и что у тебя нѣтъ никого, кто позаботился бы о тебѣ. Что будешь ты дѣлать, если я вышвырну тебя на улицу?

Сара молчала.

— Теперь слушай и запоминай, что я буду говорить тебѣ, продолжала г-жа Минчинъ.—Если ты будешь прилежно заниматься, то я оставлю тебя здѣсь. Ты очень способна и многія вещи схватываешь на лету. Ты хорошо говоришь по-французски и года черезъ полтора ты можешь начать заниматься у меня съ младшими ученицами. Къ пятнадцати годамъ, я надѣюсь, ты привыкнешь еще лучше говорить на этомъ языкѣ.

— Я и теперь говорю по-французски лучше васъ, отвѣтила Сара.— Съ папой, въ Индіи, я иначе и не говорила.

Это былъ, конечно, дерзкій отвѣтъ, но это было вѣрно, такъ какъ г-жа Минчинъ была далеко не образованной женщиной. Но она быстро поняла, какую выгоду можетъ принести ей, въ будущемъ, этотъ ребенокъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ дѣвочка въ состояніи будетъ давать уроки языковъ, чѣмъ избавить ее отъ необходимости платить учительницамъ этихъ предметовъ.

— Не будь дерзка, иначе будешь наказана, сказала она. Если ты не исправишься, то я выкину тебя на улицу. А теперь можешь уходить.

Сара повернулась и вышла. У самой двери г-жа Минчинъ остановила ее.

— Развѣ ты не собираешься поблагодарить меня? спросила она.

Сара повернулась, нервная судорога передергивала ея лицо, но она старалась побороть ее.

— За что? спросила она.

— За мою доброту къ тебѣ, былъ внушительный отвѣтъ. За то, что я оставила тебя здѣсь.

Сара сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ. Ея худенькая грудь тяжело дышала и она заговорила страннымъ, не дѣтскимъ голосомъ:

— Нѣтъ, вы не добры, нѣтъ, нѣтъ! и повернувшись вышла изъ комнаты, оставивъ начальницу въ нѣмой злобѣ.

Дѣвочка стала медленно подниматься по лѣстницѣ, крѣпко прижимая куклу къ своему, сильно бившемуся сердечку. Она уже собиралась войти въ спальню, когда у дверей ее остановила сестра начальницы миссъ Фреда и приказала ей подняться на чердакъ, гдѣ ей назначена была комната, рядомъ съ кухаркой. Сара повинувалась и поднялась двумя этажами выше. Открывъ дверь, она вошла и, прислонившись къ стѣнѣ, стала разглядывать все внутреннее убранство. Комната была выбѣлена; въ углу была печь и стояла желѣзная кровать. Кромѣ печи и кровати здѣсь было еще нѣсколько старыхъ стульевъ и столъ, выброшенные сюда изъ нижнихъ помѣщений. Подъ маленькимъ окномъ, изъ котораго виднѣлся только клочокъ сѣраго неба, стояла старая табуретка. Сара подошла и сѣла на нее. Станный былъ она ребенокъ, совсѣмъ не похожая на другихъ дѣтей; рѣдко, рѣдко плакала! Вотъ и теперъ, ни одна слезинка не выкатилась изъ ея глазъ.

Положивъ куклу на колѣни, и склонивъ на нее свою черненькую головку, она молча, безъ движенія, сидѣла подъ окномъ.

Съ этого дня ея жизнь рѣзко измѣнилась. Иногда ей казалось, что она живетъ другою, не своею жизнью. Точно она была не она, а кто-то другой, чужой ей, человѣкъ. Теперъ для всѣхъ она была чужая. Она была на побѣгушкахъ у г-жи Минчинъ, миссъ Фреды и кухарки. Никто не говорилъ съ нею, развѣ только на нее кричали, или приказывали. Щелый день она была занята стиркой, уборкой комнатъ, а потомъ съ кипой учебниковъ и тетрадей отправлялась въ пустой классъ, гдѣ за ночь должна была выучивать текущіе уроки. И прежде не было у нея близкихъ подругъ среди ученицъ пансіона, а теперъ и всѣ стали смотрѣть на нее, какъ на существо совсѣмъ другого міра. Вообще всѣ ученицы г-жи Минчинъ были неразвитыя дѣвочки, привыкшія къ богатству, а Сара, съ ея большимъ умомъ, одинокой жизнью и странной привычкой молча смотрѣть въ глаза другимъ, была совсѣмъ далека отъ нихъ.

Она никогда не интересовалась чужими дѣлами, никогда не бывала замѣшана ни въ какія шалости. Говорила очень мало; молча исполняла все, что ей приказывали, но думала, думала все время, таясь отъ всѣхъ и cadaго. Никто не зналъ, счастлива она, или несчастна; развѣ только ея кукла Эмилія, которая жила съ

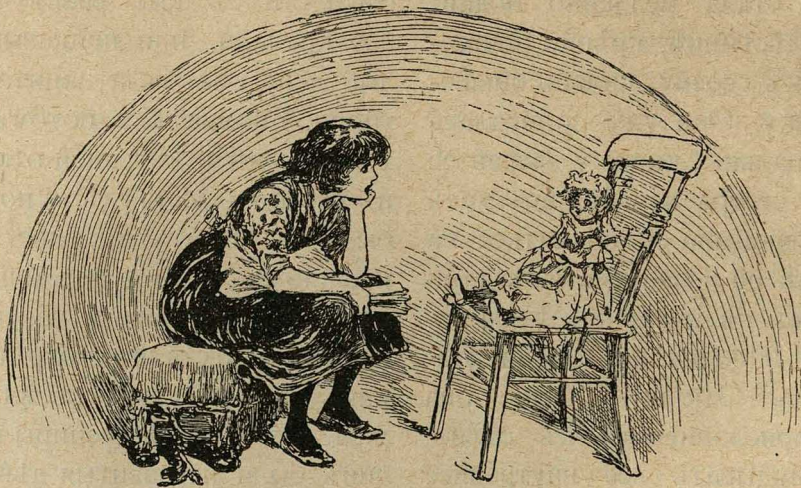
нею въ одной комнатѣ и спала съ нею на одной кровати, могла что сообщить. Сара думала, что Эмилія понимаетъ ее. Иногда Сара говорила съ нею по ночамъ:

— Ты мой единственный другъ на всемъ свѣтѣ. Почему ты ничего не говоришь? Я увѣрена, что ты могла бы говорить, если бы хотѣла. Ну попробуй!

У нея было очень странное чувство къ этой куклѣ Эмиліи, народившееся

охранить и оберечь ее. Бѣдная маленькая Сара! Ей все это только казалось! У нея было живое воображеніе; и все ея заброшенное дѣтство скрашивалось этимъ ощущеніемъ. Она такъ сильно увлекалась своими грезами, что онѣ начинали ей казаться дѣйствительностью. Она вѣрила, что Эмилія ея дѣйствительный другъ, понимавшій и сочувствовавшій ей.

Когда-же послѣ тяжелаго, утомительнаго дня, прошедшаго въ бѣ-

Она усаживала ее на стулъ, а сама садилась на табуретку противъ нея.

отъ тяжкаго одиночества. Она хотѣла вѣрить, что кукла понимаетъ ее, хотя и не отвѣчаетъ ей. Она усаживала ее иногда на стулъ, а сама садилась на табуретку противъ нея и долго, долго сидѣла она такъ, пока глаза Сары не расширились отъ страха. За стѣной скреблись мыши и крысы, а она не любила и боялась ихъ. Въ эти минуты, особенно ночью, ей казалось, что Эмилія не кукла, а добрая волшебница, готовая всегда

гонтнѣ туда и сюда, по разнымъ порученіямъ, по дождю, холоду и вѣтру, она возвращалась утомленная, насквозь промокшая, продрогшая, чтобы снова бѣжать куда нибудь въ отдаленную часть города, и когда, вмѣсто благодарности за все это, она видѣла только холодные, сердитые взгляды, причемъ кухарка бывала груба, г-жа Минчинъ въ дурномъ настроеніи, а ея бывшія подруги насмѣхались надъ ней и ея утомлен-

нымъ лицомъ,—тогда она вовсе не находила въ Эмилиі того, чего требовало ея измученное, гордое, одинокое сердечко! Въ одну изъ такихъ ночей, когда Сара вернулась въ свою коморку полузамерзшая, усталая и голодная, съ цѣлой бурей, кипѣвшей въ ея маленькой груди, безжизненное лицо куклы Эмилиі показалось ей такимъ неприятнымъ, глупымъ, что она потеряла всякое самообладаніе.

— Отъ такой жизни я могу умереть... сказала бѣдная дѣвочка.

Эмилиа все смотрѣла въ одну точку, безъ малѣйшаго движенія на лицѣ.

— Я больше не могу выносить этого, продолжала Сара.—Я знаю, что я умру. Мнѣ холодно, я устала и промокла, я голодна. Я исходила весь городъ и мнѣ не дали поужинать, ты слышишь?

Но Эмилиа продолжала смотрѣть на нее своими стеклянными глазами, не испуская ни одного звука. Сара не могла больше терпѣть.

— Ты кукла и больше ничего! сказала она.—Ничто иное, какъ кукла, кукла, кукла! Ты ничего не чувствуешь! Ты вся набита опилками! У тебя никогда не было сердца. Ничто никогда не могло заставить тебя чувствовать! Ты—кукла!

Эмилиа лежала на полу съ перекинутыми за голову ногами и отломаннымъ кончикомъ носа, продолжая по-прежнему улыбаться. Сара закрыла лицо руками и зарыдала. Крысы и мыши громко пищали за стѣной, но, на этотъ разъ, дѣвочка не обра-

щала на нихъ никакого вниманія. Какъ было уже сказано раньше, она не имѣла привычки плакать и теперь стала успокаиваться, когда посмотрѣла на Эмилию, лежавшую подъ ея ногами; ей показалось даже, что та смотритъ на нее съ участіемъ. Она теперь каялась, что такъ дурно поступила, и поднявъ куклу съ полу, заговорила уже ласково:

— Вѣдь ты не виновата, что ты кукла!

Сара, обладавшая большими способностями, очень любила читать. Если бы у нея были книги, то она не была бы такъ одинока. Она любила историческія книги и стихи.— Она читала все, что попадалось ей подъ руку. Въ пансіонѣ была горничная, которая выписывала еженедѣльный журналъ, къ которому прилагались книги путешествій и приключеній. Сара часто исполняла работу за эту горничную, лишь бы пользоваться ея книжками. Была еще въ пансіонѣ одна толстая дѣвочка, по имени Гильда, которая вскорѣ сдѣлалась постоянной поставщицей книгъ для Сары. Отецъ Гильды былъ очень образованный господинъ, всячески старавшійся развить свою дочь, и потому присылалъ ей много интересныхъ книгъ, для нея же эти присылки являлись неистощимымъ источникомъ горя и печали. Однажды Сара увидѣла ее всю въ слезахъ.

— Что случилось?—спросила она Гильду.

— Да, вотъ, папа прислалъ мнѣ

еще книгъ, отвѣтила та,—и думаетъ, что я въ состояннн буду всѣ ихъ прочесть.

— А развѣ ты не любишь читать?

— Нѣтъ, я ненавижу чтеніе, а мой отецъ, при каждой встрѣчѣ, заставляетъ меня рассказывать, что я прочитала.

Въ головѣ у Сары мигомъ созрѣлъ цѣлый планъ.

— Знаешь что? сказала она,— дай мнѣ эти книги! Я буду ихъ прочитывать, а потомъ перескажу тебѣ все, что тамъ есть. Меня даже самыя маленькія дѣти понимаютъ и запоминаютъ мои слова.

Глаза ея блестяли, грудь высоко поднималась!

— Такъ возьми ихъ себѣ, мнѣ онѣ не нужны, отвѣтила Гильда, и протянула къ Сарѣ книги.

Сара взяла ихъ и направилась къ себѣ.

Съ тѣхъ поръ, Сара всегда получала книги и, сидя въ своей коморкѣ, съ жадностью прочитывала ихъ. Каждую конченную книгу она отдавала Гильдѣ и рассказывала ей ея содержаніе. У нея была способность интересно передавать прочитанное. Ея воображеніе помогало ей при этомъ и въ концѣ концовъ Гильда изъ ея рассказовъ узнала гораздо болѣе, чѣмъ если бы прочла все сама.

Когда Сара рассказывала ей про какое нибудь историческое событіе или путешествіе, то герои, или путешественники казались ей живыми

людьми. Слушая ее, Гильда смотрѣла на ея худенькое, разгорѣвшееся личико, на ея большіе блестящіе глаза и удивлялась ей.

Въ часы полного одиночества Сара часто размышляла о разныхъ интересовавшихъ ее вещахъ. Она сама додумалась, напримѣръ, до того, что каждый умный человѣкъ долженъ стараться быть справедливымъ и добрымъ ко всѣмъ. Г-жа Минчинъ была жестока и несправедлива, миссъ Фреда была вспыльчива и зла, кухарка груба и заносчива,—значитъ всѣ онѣ были глупы и она презирала ихъ и старалась ни въ чемъ не быть похожей на нихъ, а потому и быть вѣжливой со всѣми.

Гильда пристально глядѣла на ея личико и фигурку. Видъ у Сары былъ очень странный. На ней была надѣта старая голубая плюшевая юбка, едва доходившая ей до колѣнъ, коричневая суконная блуза и оливковые чулки, надставленные по приказанію г-жи Минчинъ чернымъ, для того, чтобы не быть очень короткими. Не смотря на это, Гильда начинала восхищаться ею. Такое заброшенное, худенькое существо могло читать и передавать прочитанное такъ удивительно интересно! Она могла говорить великолѣпно по-французски и выучиться, никому неизвѣстно гдѣ и когда, совсѣмъ одна, нѣмецкому языку. Этотъ ребенокъ могъ заинтересовать каждого, не только того, кому уроки были пыткой, чтеніе же однимъ отчаяніемъ!

— А ты любишь меня? спросила наконецъ Гильда.

Сара задумалась, но черезъ минуту отвѣтила:

— Да, я люблю тебя за то, что ты хорошо ко мнѣ относишься, не издѣваешься надо мной, какъ это дѣлають другія. Я люблю тебя за то, что ты даешь мнѣ читать свои книги. Это вѣдь не твоя вина, что ты... она остановилась, такъ какъ собиралась сказать «что ты глупа».

— Что я что?—спросила Гильда.

— Что ты неспособна къ ученію, спохватилась Сара.— Вѣдь это не твоя вина, что ты не скоро учишься уроки. Вотъ я способна, а какая мнѣ отъ этого польза? Она подумала немного, а потомъ продолжала:—Можетъ быть однихъ хорошихъ способностей для жизни недостаточно. Гораздо лучше быть добрымъ, отзывчивымъ человѣкомъ. А вотъ г-жа Минчинъ быть можетъ знаетъ все на свѣтѣ, а такая злая, что хочется ее ненавидѣть. А это грѣхъ. Многіе умные люди были злыми и жестокими.

Она снова остановилась и посмотрѣла на круглое, здоровое лицо своей собесѣдницы.

— Расскажи мнѣ еще что-нибудь, сказала Гильда.

— Хорошо,— отвѣтила Сара. И опять съ жаромъ стала рисовать передъ Гильдой картины того, что она прочитала въ ея книжкѣ.

На этотъ разъ Сарринъ рассказъ произвелъ на Гильду громадное впе-

чатлѣніе. Долго не могла она заснуть послѣ него; все ей грезились разные рыцари, герцоги да князья и вся исторія среднихъ вѣковъ вставала передъ ней, какъ на ладони. Гильда ворочалась на своей постели и все думала о томъ, отчего это такъ не рассказываютъ въ ихъ пансіонѣ исторію ихъ учительницы и учителя и отчего это Сара можетъ, а они не могутъ? Но это была тайна, которая была непостижима для ея дѣтскаго, туповатого ума, а эта тайна рѣшалась очень просто: у Сары былъ талантъ. Но рѣшить это, открыть въ Сарѣ этотъ талантъ, было не дано такимъ тупымъ людямъ, какъ Гильда и миссъ Фреда и такимъ самодовольнымъ женщинамъ, какъ сама начальница пансіона, г-жа Минчинъ.

Вотъ почему Сара часто задумывалась и иногда улыбалась прямо въ глаза. Одинъ разъ г-жу Минчинъ такъ раздражилъ ея пристальный взглядъ, что она съ яростью набросилась на нее и ударила ее по щекѣ.

— Надъ чѣмъ ты смѣешься, дрянная дѣвченка? въ изступленіи закричала начальница.

Сарѣ очень трудно было сдержатъ себя: щека горѣла отъ удара, голова кружилась отъ волненія, но она сдержала себя и отвѣтила:

— Я думала.

— Сейчасъ-же проси у меня прощенія.

— Да, простите меня за мой смѣхъ,—сказала Сара.—Но за свои

Собралась въ дорогу!

Концертъ.

мысли я не хочу и не буду просить прощенія.

— О чемъ ты думала? Какъ ты смѣешь думать?

Это происходило въ классѣ и всѣ ученицы съ любопытствомъ смотрѣли то на Сару, то на г-жу Минчинъ. Ихъ всегда удивляло поведение Сары, такъ спокойно стоявшей передъ начальницей. И теперь на ея щекѣ было красное пятно отъ пощечины, а глаза попрежнему горѣли, какъ звѣзды.

— Я думала,—отвѣтила она спокойно и серьезно — что вы сами не знаете, что дѣлаете.

— Какъ я не знаю, что дѣлаю? задыхаясь отъ злобы спросила г-жа Минчинъ.

— Да, отвѣтила Сара,—я думала, какъ бы вы вдругъ испугались сейчасъ, если бы я оказалась...

— Что? воскликнула она, — чѣмъ бы ты оказалась?

— Настоящей принцессой, — сказала Сара, — которая могла-бы дѣлать все, что ей угодно.

— Сію же минуту уходи вонъ изъ класса и отправляйся въ свою комнату! — былъ начальственный окрикъ, а вы, дѣвочки, принимайтесь за свои уроки.

Сара поклонилась и сказала:

— Простите за мой смѣхъ.

Потомъ она повернулась и вышла, оставляя г-жу Минчинъ въ нѣмой злобѣ, а ученицъ перешептывавшихся одна съ другой.

— А я такъ ничуть не удивилась бы, если бы она дѣйствительно оказалась принцессой, сказала Гильда. А, какъ ты думаешь, что бы тогда произошло?

В. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ ЛѢСУ.

Летаютъ бабочки и мушки,
Блится солнышко съ небесъ.
И, позабывъ свои игрушки,
Толпою мчатся дѣти въ лѣсъ.
Они разсѣялись и ищутъ...
Кто больше ягодъ соберетъ?
А птички божьи такъ и свищутъ,
А соловей такъ и поетъ!

«Смотрите всѣ, сюда взгляни-ка!»
Вдругъ раздается голосокъ—
«Уже поспѣла земляника!»
А тотъ кричитъ:—«Напелъ грибокъ!»
А третій крикнетъ:—«Бѣлка, бѣлка!»
«Какой у ней пушистый хвостъ!»
«Здѣсь ягодъ цѣлая тарелка!»
«А здѣсь грибовъ на цѣлый постъ!»

И дѣти крикомъ оглашаютъ
Прохладный, добрый, старый лѣсъ,
А онъ стоитъ и имъ внимаетъ
И передъ ними открываетъ
Обширный рядъ своихъ чудесъ.

Кузнечикъ.

АФОНИНЫ ИМЕНИНЫ.

(Разсказъ).

Проснулся Афоня у себя въ избѣ, на полатяхъ, посмотрѣлъ сонными глазами на закопченный потолокъ, по которому ползали рыжіе тараканы, и громко зѣвнулъ. Въ избѣ было уже совсѣмъ свѣтло и пахло чѣмъ-то вкуснымъ. Мать суетилась около печки. Она посмотрѣла на полати, гдѣ лежалъ Афоня, и сказала притворно-сердитымъ голосомъ:

— Ты что же, именинникъ? Долго еще будешь спать? Скоро къ обѣднѣ зазвонятъ. Народъ давно ушелъ въ церковь.

Афоня вспомнилъ, что сегодня воскресенье, а главное — его именины. Все лицо его расплылось въ блаженную улыбку... Вкусный пирогъ съ изюмомъ, новая розовая рубашка, гостинцы отъ крестной, — всѣ эти пріятныя вещи пришли ему въ голову, и онъ быстро соскочилъ съ полатей.

Умывшись, онъ вытерся толстымъ полотенцемъ, примазалъ себѣ волосы масломъ изъ лампадки и надѣлъ новую ситцевую рубашку, которую мать вынула изъ сундука.

— Перекрести лобъ-то! сказала ему мать.

Афоня размашисто перекрестился три раза на иконы и покосился на печку, изъ которой такъ вкусно пахло горячими пирогами.

— Нечего въ печку-то загляды-

вать, замѣтила мать, надѣвай скорѣй полушубокъ, да бѣги въ церковь.

Афоня надѣлъ шубу, новую шапку, наvertѣлъ на шею длинный шарфъ и выпелъ на крыльцо.

Утро было веселое, солнечное. Снѣгъ на крыльцѣ подтаялъ, съ крышъ повисли ледяныя сосульки. Въ воздухѣ такъ и пахло весной. Бѣленькая лохматая собачка, «Пудикъ», съ громкимъ лаемъ бросилась на именинника и лизнула его прямо въ губы. Афоня утерся и побѣжалъ вдоль деревенской улицы.

— Эй, Шиловъ, погоди, пойдемъ вмѣстѣ! окликнулъ Афоню товарищъ, Степка Мосинъ. Афоня остановился.

— Ты что новую шапку-то надѣлъ? спросилъ его Мосинъ.

— Именинникъ я сегодня, самодовольно отвѣчалъ Афоня.

— А-а!.. протянулъ Степка, ишь ты!.. Небось сегодня пироги у васъ сладкіе будутъ?

— Будутъ, подтвердилъ съ удовольствіемъ Афоня.

Мосинъ съ завистью покосился на счастливаго именинника.

По дорогѣ къ нимъ выбѣгали ребяташки. Они интересовались именинными пирогами Афони, его новой шапкой, и тѣмъ, что онъ сегодня пойдетъ за гостинцами къ крестной, ко-

торая живетъ въ усадьбѣ, у барина въ нянькахъ.

— Ребята, давайте-ка, вывалиемъ именинника въ снѣгу! предложилъ шапунъ Степка.

— Давайте, давайте! обрадовались ребяташки.

Афоня бросился бѣжать отъ товарищей, но тѣ живо догнали его и стали тормошить и катать по дорогѣ.

— Шапку отдайте! шапку отдайте! пищалъ Афоня, барахтаясь и стараясь встать на ноги.

— Некогда намъ твою шапку доставать, къ обѣднѣ пора... Пойдемте, ребята! крикнулъ Степка, закидывая шапку далеко въ снѣгъ, и пускаясь бѣжать со всѣхъ ногъ къ церкви. Остальные побѣжали за нимъ.

— Озорники, ворчалъ Афоня, отряхиваясь отъ снѣга. Вотъ возьму да и пожалуюсь учителю. Задастъ онъ вамъ, погодите!..

Церковь была уже близко. Надо было только перейти по мосту черезъ рѣчку и подняться на пригорокъ. Звучный благовѣстъ разносился въ чистомъ воздухѣ... Видно было, какъ народъ толпился на паперти. Афоня сунулъ мокрая руки въ карманы полушубка и побѣжалъ бѣгомъ къ церкви. Ученики уже стояли правильными рядами противъ алтаря. Афоня всталъ на свое мѣсто и сталъ креститься, потомъ вздохнулъ, повернулъ голову и засмотрѣлся на сторожа, который раздувалъ кадило.

Учитель съ нѣкоторыми учениками пѣлъ на клиросѣ. Учителя звали Иванъ

Михайловичъ. Онъ былъ худой и такой высокій, что свободно могъ перешагнуть черезъ высокаго Степку Мосина. Изрѣдка онъ поворачивался и смотрѣлъ,—хорошо ли ведутъ себя его ученики.

— Шиловъ, зашепталъ Афонѣ на ухо сосѣдъ,—что я тебѣ скажу...

— Ну?

— Да ты поклонись въ землю, а то Иванъ Михайловичъ замѣтитъ...

Афоня всталъ на колѣни рядомъ съ товарищемъ, а тотъ быстро и больно ущипнулъ его за ухо. Афоня сердито толкнулъ обидчика локтемъ. Остальные мальчики тоже частенько перешептывались и толкались. Иванъ Михайловичъ все чаще и чаще обращивался на нихъ и дѣлалъ сердитое лицо.

Наконецъ, обѣдня кончилась. Народъ потянулся изъ церкви. Ученики съ учителемъ также вышли на паперть. На паперти Иванъ Михайловичъ остановился и сказалъ строгимъ голосомъ:

— Шиловъ и Паутовъ, вы сегодня шалили въ церкви. Идите-ка оба на полчаса въ училище... Посидите тамъ!..

— Я... Иванъ Михайловичъ... онъ меня за ухо... занылъ Афоня.

— А онъ меня въ бокъ толкнулъ, оправдывался Паутовъ.

— Иванъ Михайловичъ, Шиловъ сегодня именинникъ, вступился за товарища Степка.—Ему мать сегодня испекла пирогъ съ изюмомъ...

Иванъ Михайловичъ посмотрѣлъ на Афоню и чуть-чуть усмѣхнулся.

— А, такъ ты сегодня именинникъ?.. Ну, поздравляю съ днемъ Ангела... Имениннику-то тѣмъ болѣе не слѣдуетъ шалить въ церквѣ... Ну, ужъ такъ и быть, ради именинъ—прощаю. Можете домой идти.

Афоня радостно захихикалъ и застѣнчиво спрятался за спины товарищей.

— Прощайте, Иванъ Михайловичъ! До свиданья, Иванъ Михайловичъ! заговорили ребятишки и потомъ всѣ сразу разсыпались въ разныя стороны, направляясь къ себѣ, по деревнямъ. А учитель посмотрѣлъ имъ въ слѣдъ и зашагалъ къ училищу.

Прійдя домой, Афоня сталъ играть съ маленькой сестренкой своей, Настюшкой. Ей было всего два года. Она еще не умѣла ходить, но очень ловко ползала по полу, постоянно кричала какія-то никому непонятныя слова и пускала пузыри губами. Афоня очень любилъ ее. Онъ легъ рядомъ съ Настюшкой и подставилъ ей свою голову. Настюшка съ громкимъ крикомъ вцѣпилась ему рученками въ волосы.

— Настюшка, а Настюшка!.. говорилъ Афоня, освобождая голову изъ цѣпкихъ рученокъ Настюшки,—я вѣдь сегодня именинникъ... Я къ крестной въ гости пойду. А крестная у меня бога-атая!... Она у барина живетъ, въ нянькахъ. Тамъ, у барина въ усадьбѣ, тоже мальчикъ есть такой, какъ я. Только его не Афоней зовутъ, а Ваней,—Ваничка...

Отецъ Афони сидѣлъ на лавкѣ и смотрѣлъ въ окно на улицу. Отецъ у Афони былъ высокій, плечистый, съ громадной шапкой кудрявыхъ рыжихъ волосъ на головѣ. Мать суетилась у стола, приготовляя все къ обѣду. Она была маленькая, худенькая, съ большими черными глазами. Афоня былъ похожъ на мать лицомъ, а Настюшка—на отца.

Въ избѣ запахло постнымъ масломъ. Мать вынула горшокъ щей изъ печки и позвала всѣхъ обѣдать. Афоня сталъ уплетать за обѣ щеки постныя щи, потомъ кашу, потомъ пирогъ съ сеledками и пирогъ съ изюмомъ. Онъ пересталъ ѣсть только тогда, когда передъ нимъ ничего не осталось.

— Сытъ? спросилъ отецъ и засмѣялся.

Афоня вытеръ лобъ рукавомъ рубашки и всталъ, отдуваясь, изъ-за стола.

— Надо бы тебѣ на именины денегъ дать, сказалъ отецъ.

Онъ вынулъ изъ кармана мѣдный пятакъ и сунулъ въ руку Афонѣ. Тотъ весь просіялъ.

— Я, тятя, этотъ пятакъ поберегу до ярмарки, сказалъ онъ.—Какъ будетъ ярмарка въ городѣ,—ты меня возьми съ собой...

— Ладно, возьму.

— А я себѣ пряниковъ куплю, конфекту съ картинкой, подсолнуховъ... А остальное прокатаю на каруселяхъ. Ладно?

— Ладно, сказалъ отецъ, потомъ вытащилъ изъ кармана ситцевый ки-

сеть съ табакомъ и сталъ крутить себѣ папироску. Афоня посмотрѣлъ на кисеть и рѣшилъ, что когда онъ будетъ большой,—непремѣнно заведетъ себѣ такой же кисеть изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ и будетъ курить...

— Вотъ что, именинникъ, сказала мать, вытирая на столѣ посуду.— Шель бы ты къ крестной, пока еще не измялъ новую-то рубашку. Только смотри, не засиживайся тамъ долго. Вернись засвѣтло. Назадъ-то вечеромъ страшно будетъ идти одному.

— Сейчасъ и идти? спросилъ Афоня радостно.

— Не терпится ему, засмѣялся отецъ.

— Сейчасъ и иди, рѣшила мать,— да крестной своей снеси гостинецъ.

Она положила на тарелку круглый пирожокъ съ сушеной черникой, завязала все это въ ситцевый платокъ и отдала Афонѣ.

Солнышко заглядывало въ окна усадебнаго дома и точно удивлялось, почему это дѣти не выходятъ гулять въ такой ясный веселый день? А дѣти были простужены, кашляли, и ихъ не выпускали на улицу. Дѣтей было трое. Старшій—Ваня, потомъ Катя и младшая—шестилѣтняя Соня. Всѣ они сидѣли въ своей дѣтской вокругъ большого стола и раскрашивали цвѣтными карандашами картинки, вырванныя изъ старой «Нивы».

— Скучно, няня! сказалъ Ваня, бросая карандашъ. — Когда же, нако-

нецъ, насъ отпустить гулять?.. По года-то какая хорошая!

Онъ вздохнулъ, подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на дворъ.

— Красавчика вывели изъ конюшни. Сейчасъ запрягутъ въ санки и будутъ объѣзжать...

— Гдѣ? Гдѣ?.. закричали дѣвочки, повскакивали со своихъ мѣстъ и подбѣжали къ окну.

— Дѣти, сейчасъ отойдите отъ окна!.. Опять цѣлую ночь прокашляете. Сладу съ вами никакого нѣтъ! ворчала няня.—Хоть бы въ игрушки поиграли или почитали книжку, что-ли.

— Надоѣло, няня!

— Слушайте-ка, что я вамъ скажу: скоро тепло будетъ, Пасха скоро... А на праздникъ Мишенька придетъ изъ города, гостинца вамъ привезетъ отъ бабушки да отъ дѣдушки... Вотъ будемъ мы этакъ сидѣть вечеркомъ, вдругъ: «динь!.. динь!.. динь!..» Что такое? Побѣжимъ къ окнамъ, — у крыльца наша тройка стоитъ. Такъ и есть,—онъ!.. И побѣжимъ встрѣчать молодого барина.

— Ну, да! Когда-то еще онъ придетъ!.. проворчалъ Ваня.

— Няня, заговорила Катя,—ты говорила, что къ тебѣ сегодня твой племянникъ Афоня придетъ. Ты говорила, что сегодня онъ именинникъ...

— Да ужъ придетъ, придетъ... Подождите немного. Непремѣнно придетъ.

— А отчего ты, няня, его къ намъ никогда не приводила?

— Бойкій онъ очень. Боюсь, не нашалилъ бы...

— Это-то и хорошо, что онъ бойкій, сказалъ Ваня.—Я бы подружился съ нимъ. Няня, а вѣдь я видѣлъ одинъ разъ Афоню. Онъ сидѣлъ въ кухнѣ и пилъ съ тобой чай, четыре чашки выпилъ... Онъ такой худенькій, глаза черные и волосы черные. Онъ все отворачивался отъ меня, такой смѣшной!..

— Онъ стыдился, засмѣялась няня,—я хотѣла его въ дѣтскую привести, такъ ни за что не пошелъ! Бойтся: не знакомъ еще съ вами.

— Расскажи намъ, няня, про Афоню, пристали дѣти.

— Да что же про него рассказывать?—Какъ есть деревенскій мальчишка!... Зимой ходитъ въ школу, а лѣтомъ бѣгаетъ по лѣсамъ съ ребятами. Отецъ его мнѣ родной братъ. Афоня при мнѣ и родился...

— Такъ ты у брата жила, няня?

— Да, у брата. Я всего 5 лѣтъ живу въ чужихъ людяхъ. Раньше у батюшки—священника жила, а теперь у васъ.

Дверь въ дѣтскую отворилась, и молоденькая горничная Дуня ввела за руку Афоню.

— Вотъ, няня, къ тебѣ гость пришелъ, сказала она и сейчасъ же вышла.

— Афоня! Афоня! закричали дѣти, окружая мальчика.

Афоня стоялъ, опустивъ голову, весь красный отъ смущенія.

— Что же ты отворачиваешься?

замѣтила ему няня.—Дома-то небось такъ шалишь, что и унять не могутъ!.. Что у тебя въ узелкѣ-то?

— Это мама тебѣ посылаетъ, отвѣтилъ Афоня, не поднимая головы.

— Вотъ спасибо, спасибо за гостинецъ, отвѣтила няня и подошла къ своему сундуку, который стоялъ въ углу комнаты, порылась въ немъ, и достала изъ деревянной шкатулки новенькій гривенникъ.

— Вотъ тебѣ на гостинцы, сказала она, подавая его ему.—Смотри, не потеряй!

Афоня даже ротъ раскрылъ отъ изумленія, при видѣ такого богатства. Сейчасъ же у него въ головѣ промелькнула мысль о томъ, что на такія большія деньги можно купить на ярмаркѣ много хорошихъ вещей...

— Няня, и мы хотимъ подарить что-нибудь Афонѣ. Можно?

— Можно, отчего-жъ не подарить? разрѣшила няня.—Только хорошихъ игрушекъ не дарите, а отдайте какую-нибудь дрянъ. Они у себя въ деревнѣ и такихъ не видали. Всему рады будутъ!

Няня вышла изъ дѣтской, а дѣти разошлись по своимъ угламъ, отыскивая, чтò бы подарить Афонѣ.

А Афоня уже настолько освоился, что поднялъ голову и сталъ съ любопытствомъ осматривать дѣтскую, куда попалъ въ первый разъ въ жизни. Высокая, свѣтлая комната съ голубыми обоями очень ему понравилась. Понравились и картинки на стѣнахъ и большая висячая лампа и бѣ-

ляя коленкоровыя занавѣски. Онъ даже подошелъ къ столу и сталъ съ любопытствомъ разсматривать картинки изъ «Нивы», уродливо размазанныя цвѣтными карандашами.

Ваня подошелъ къ нему и высыгалъ передъ нимъ цѣлую дюжину искалѣченныхъ оловянныхъ солдатиковъ.

— Бери хоть всѣ, сказалъ онъ, — у меня ихъ еще цѣлая куча.

— А вотъ отъ меня!

Катя подала Афонѣ фарфоровую

собачку на трехъ ногахъ и растрепанную книжку съ картинками. Соня съ другой стороны совала ему въ руку резиновую куклу.

— На что ему кукла! разсердился на сестру Ваня, — онъ вѣдь не дѣвченка, чтобы въ куклы играть.

— Я куклу Настюшкѣ отдамъ, сказалъ Афоня, — у меня дома сестра есть, Настюшка, — такъ я ей отдамъ.

— Знаете что? придумала Катя, — Надо всѣ эти игрушки уложить въ коробку и завязать веревочкой, чтобы онъ не растерялъ.

Она достала жестяную коробку и стала укладывать нѣе подарки Афонѣ.

— Что ты все смотришь кругомъ? спрашивалъ Ваня. — Тебѣ у насъ понравилось?

— Понравилось! уже смѣло отвѣчалъ маленькій гость. — У васъ картинки больно хороши. У насъ въ школѣ тоже есть картины, да у васъ лучше!

— Хочешь я тебѣ весь домъ покажу? предложилъ Ваня. — У насъ въ гостиной есть картины еще лучше. Тамъ есть еще портреты разныхъ бабушекъ и дѣдушекъ. Дѣдушки всѣ въ мундирахъ, въ эполегахъ и съ саблями, все генералы...

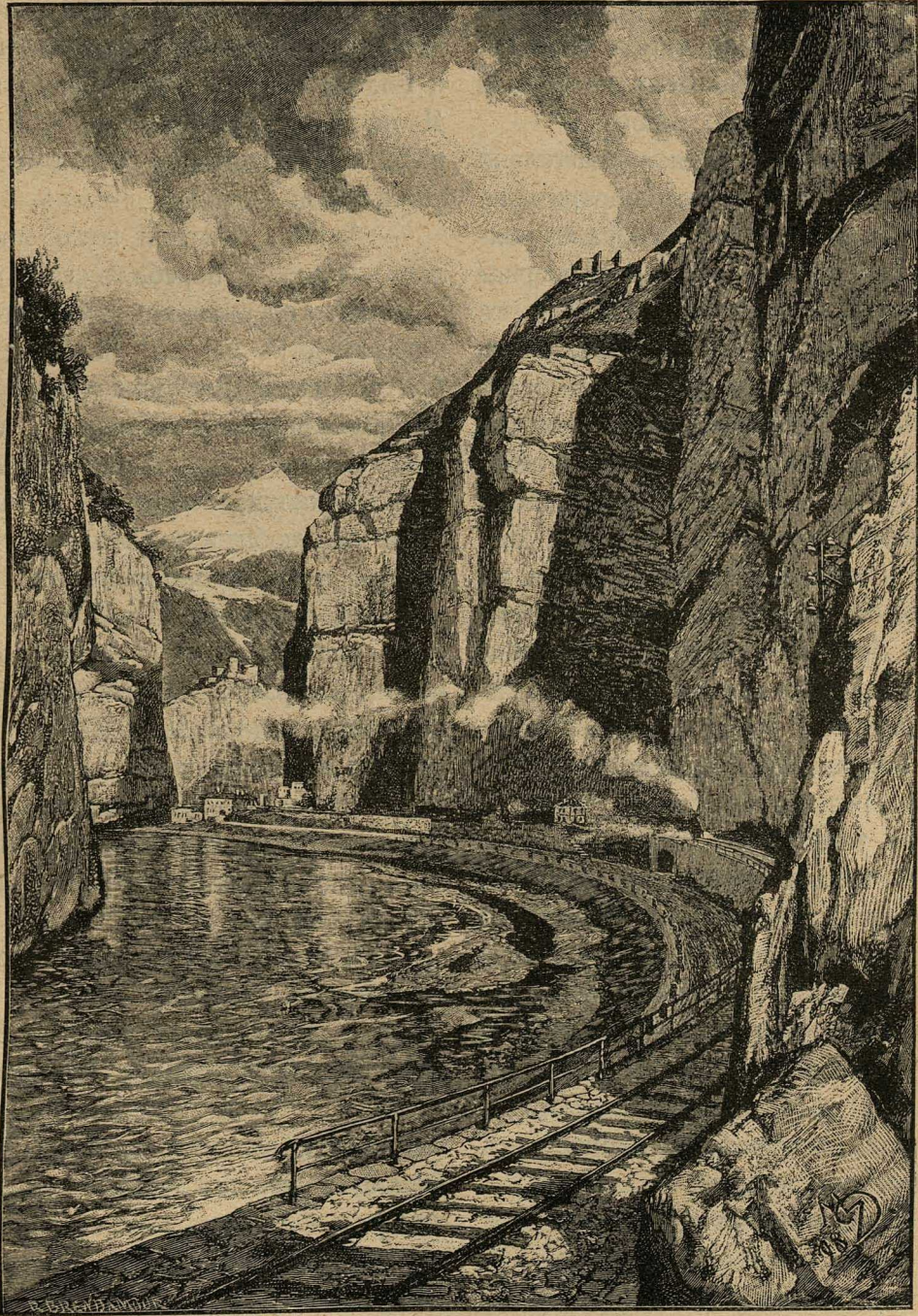
— Ну-у? недоувѣрчиво покосился на него Афоня.

— Вѣрно! Пойдемъ со мной, такъ увидишь.

Задумалась.

Въ горахъ Испаніи.

— Пойдемъ, согласился Афоня. Мальчики взялись за руки и вышли изъ дѣтской. За ними пошли и дѣвочки, все время забѣгая впередъ и заглядывая въ лицо Афонѣ.

Въ гостиной Афоня внимательно осматривалъ картины и портреты на стѣнахъ, очень заинтересовался роялемъ. Посмотрѣлся онъ и въ зеркало, въ которомъ отразился весь, въ своей праздничной рубашкѣ и новыхъ валенкахъ. Потомъ дѣти провели его въ кабинетъ, подвели къ родителямъ и объяснили, кто онъ такой. Папа оставилъ свое писанье, посмотрѣлъ на Афоню и спросилъ, — который ему годъ, и хорошо ли онъ учится въ школь? Мама спросила его, — есть ли у него братья и сестры, и не обижаетъ ли онъ младшихъ? Афоня сказалъ, что Настюшку онъ не обижаетъ. Тогда мама погладила его по головѣ, потомъ понюхала ладонь и сдѣлала удивленное лицо.

Дѣти пошли обратно въ дѣтскую.

— Весело у васъ въ школь? началъ спрашивать Ваня.

— Весело! У насъ учитель хороший, добрый. Зовутъ его Иванъ Михайловичъ Сардониковъ.

— Онъ васъ наказываетъ?

— Если ужъ очень зашалимъ, такъ поставитъ къ стѣнкѣ.

— А какъ вы шалите?

— Какъ? засмѣялся Афоня. — А вотъ какъ: начнемъ въ перемѣну бороться, бѣгать, кричать... Иной разъ Иванъ Михайлычъ унимаетъ, унимаетъ, разсердится, да ка-акъ закри-

читъ!.. Ну, мы и перестанемъ. Иванъ Михайловичъ насъ и пѣть учитъ. У него есть скрипка, такъ онъ на ней и подыгрываетъ, чтобы вѣрно пѣли. Я на будущую зиму тоже на клиросѣ буду стоять съ Иваномъ Михайлычемъ.

— А я на будущей годъ поступлю въ гимназію, перебилъ его Ваня. — Со мной теперь мама занимается, а тогда будутъ учителя. У меня есть братъ Миша. Онъ уже третій годъ въ гимназіи. Ему двѣнадцать лѣтъ. Онъ большой. Такой какъ няня, да еще, пожалуй, побольше. Миша съ нами не любитъ играть, — онъ все больше читаетъ про индѣйцевъ и про разныхъ дикарей... Потомъ онъ умѣетъ выпиливать изъ дерева разныя вещи, собираетъ старыя марки и у него есть велосипедъ. Когда я поступлю въ гимназію, такъ тоже буду марки собирать и выпиливать. Да я и теперь немного умѣю выпиливать...

— Ты, Афоня, какія игры знаешь? спросила Катя.

— Я много игръ знаю, похвасталъ Афоня, — въ шаръ, въ чижа...

— А зимой какъ вы играете?

— Зимой съ горъ катаемся на ледянкахъ... А по вечерамъ придемъ мы, ребята, въ избу, гдѣ дѣвицы собираются съ прялками, сядемъ на печку и слушаемъ, какъ онѣ другу другу страшныя сказки рассказываютъ. Иной разъ наслушаешься страстей и дома заснуть не можешь: все представляется, будто кто-то на полати къ тебѣ лѣзетъ...

— Давайте лучше бѣгать, сказалъ Ваня,—надоѣло сидѣть.

— Въ жмурки давайте играть, предложили дѣвочки.

— Хорошо, становитесь въ кругъ, а я буду считать, командовалъ Ваня. Всѣ встали въ кружокъ и Ваня началъ:

— Яблоко катилось вокругъ огорода, кто его поднялъ — тотъ воевода. Воеводскій сынъ нашелъ, шилель-вышелъ, вонъ пошелъ..

Вышла Соня. Ей завязали глаза носовымъ платкомъ, закружили посреди комнаты и отбѣжали всторону. Афоня сѣлъ въ уголокъ, быстро стащилъ съ ногъ валенки и сунулъ подъ кровать.

— Босякомъ-то ловчѣе бѣгать, сказалъ онъ.

Ваня и Катя послѣдовали его призыву и тоже сняли ботинки и чулки.

Всѣ трое стали бѣгать вокругъ Сони, шлепая босыми ногами по полу. Они перепрыгивали черезъ табуретки, подползали подъ столы, хватили Соню за руки, а та растерянно топталась на мѣстѣ, ловила руками воздухъ и поворачивалась во всѣ стороны.

Наконецъ ей удалось схватить Афонию за рукавъ.

— Поймала! закричала она радостно. Афоня вырвался, и бѣдная Соня упала на полъ. Она громко заплакала. Дѣти испуганно переглянулись, а Афоня даже поблѣднѣлъ отъ страха. Въ комнату вошла няня.

— Что у васъ тутъ такое? спросила она.—Кто обидѣлъ Сонечку?

Она подняла ее съ пола и начала ее утѣшать.

— Она сама ушиблась, вмѣшался Ваня, выступая впередъ.

— Батюшки, что же это такое? Кто вамъ позволилъ снять башмаки? разсердилась няня.—Сейчасъ одѣньте!.. Вотъ я мамашѣ скажу! Сладу съ вами нѣтъ никакого... Силь моихъ не хватаетъ... Не ты ли это ихъ научилъ, озорникъ этакій? обратилась она къ Афонѣ, и погрозила ему пальцемъ.—Пойдемъ-ка въ дѣвичью. Напою тамъ тебя чаемъ, да и домой пора. Будетъ ужъ!

— Няня, позволь ему еще поиграть, начали было дѣти, но няня только рукой махнула и вышла съ крестникомъ изъ дѣтской.

—

Афоня шелъ домой, держа въ рукѣ жестяную коробку съ подарками дѣтей. Онъ думалъ о томъ, какъ хорошо живется Ванѣ, Катѣ и Сонѣ, какъ красиво у нихъ въ домѣ и какъ у нихъ много игрушекъ. Ваня ему понравился, и Афоня рѣшилъ непременно на Пасхѣ пойти къ нему въ гости. Затѣмъ его мысли перешли на ярмарку, которая будетъ въ слѣдующее воскресенье.

— Чтò бы мнѣ купить на гривеникъ? думалъ онъ,—перочинный ножикъ, какъ у Ивана Михайлыча, новый красный шарфъ или деревяннаго коня, сѣраго съ яблоками, какъ у Вани?..

Уже стемнѣло, когда онъ подошелъ къ своей деревнѣ. Звѣзды ярко

блестѣли на ясномъ небѣ, въ избахъ засвѣтились огоньки... Морозило и снѣгъ поскрипывалъ подъ ногами у Афони. На улицѣ все еще бѣгали и кричали ребятишки. Афоню окружили товарищи и стали съ любопытствомъ спрашивать, показывая на жестяную коробку:

— Это у тебя что?..

— Много будете знать—скоро со-старитесь, важно отвѣчалъ Афоня и побѣждалъ домой.

— Ишь, разважничался!.. кричали ему ребятишки вслѣдъ, и нѣсколько комковъ снѣга полетѣли ему въ спину.

Афоня вошелъ въ избу, поставилъ коробку на столъ и сталъ разматывать свой шарфъ.

— Что долго? спросила его мать.

— Не отпускали, съ важностью отвѣчалъ Афоня.—Мнѣ крестная подарила серебряный гривенникъ, похвасталъ онъ.

— Ну-у??!

— Право!..

Афоня полѣзъ въ карманъ и вдругъ сдѣлалъ испуганное лицо.

— Ну, гдѣ же гривенникъ, показывай...

— Я... я... поте-рялъ!.. У меня... въ карманѣ... дыра!.. сквозь слезы бормоталъ Афоня.

— Ахъ, ты ротозѣй, ротозѣй! покачала головой мать...

Афоня полѣзъ на полати, всхлипывая и вытирая слезы кулакомъ. Казалось ему, что онъ самый несчастный человекъ на свѣтѣ. Прощай перочинный ножичекъ, новый шарфъ и сѣрый конь съ яблоками!.. Долго онъ плакалъ о потерянномъ гривенникѣ, да такъ и заснулъ въ слезахъ.

Ночью ему снились Катя, Соня и Ваня и тѣ генералы, портреты которыхъ онъ видѣлъ въ господскомъ домѣ.

М. Ю. Зубова.

ВЕСНОЮ ВЪ ГОРОДѢ.

Блитсяетъ солнышко съ небесъ
Что день, то ярче оно, выше,
И дворникъ ужъ на домъ залѣзъ,
Чтобъ снѣгъ послѣдній сбросить съ
крыши.

Съ дворовъ еще бѣгутъ ручьи,
Но кое-гдѣ ужъ пахнетъ пылью,
И въ лужахъ мутныхъ воробы
Свои отряхиваютъ крылья.

Ужъ въ скверахъ вскопана земля,
И что-то даже въ нихъ сажали...
Но тянетъ всѣхъ въ лѣса, въ поля,
Гдѣ воздухъ чистъ, гдѣ видны дали.

Ирисъ.

ВОПРОСЫ-ШУТКИ.

1) Когда человекъ бываетъ пескомъ?

2) Какой городъ состоитъ изъ 4-хъ десятковъ гласныхъ?

3) Какой африканскій городъ называется именемъ трехъ дѣвочекъ?
(Предложилъ Донской казачекъ).

4) Почему дамы любятъ вышивать?
(Предложила Нина Бриксъ.).

5) Почему товарный поѣздъ ѣдетъ по 30 верстъ въ часъ, тогда какъ курьерскій—по 60 верстъ въ часъ?

6) Почему во время бури пароходъ качается съ бока на бокъ?
(Предложила Стрекоза).

7) Почему у насъ въ Россіи крестьяне сѣютъ не рись, а рожь?

8) Зачѣмъ въ Малороссіи разводятъ фруктовые сады?
(Предложила Мышка).

9) Почему Пушкинъ носилъ бакенбарды?
(Предложилъ Миша Магитъ).

10) Когда человекъ похожъ на часы?
(Предложилъ Жоржъ Межакъ).

ШАРАДА.

Первый слогъ—крикъ животного, а второй—напитокъ. Цѣлое—городъ въ центральной Россіи. Какой это городъ?

(Предложилъ Донской Казачекъ).

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Изъ каждой изъ нижеслѣдующихъ фразъ взять по одному слову и составить начало извѣстной басни.

1) По тѣнистымъ аллеямъ парка гуляли прохожіе.

2) Мы гуляемъ по улицамъ нашего города.

3) Дѣти были въ звѣринцѣ и видѣли тамъ слона и много другихъ звѣрей.

4) Собаку водили на цѣпи, потому что она была зла.

5) Какъ только пересталъ дождь, дѣти выбѣжали въ садъ.

6) Съ нашего балкона видно поле.

7) Книга лежала на полкѣ.

8) Картина была выставлена на показъ.

(Предложила Зина Демьяновичъ).

II.

Найти названія цвѣтовъ въ слѣдующихъ фразахъ:

1) Неправда-ли, Лія была дочерью Лавана и женою Іакова?

2) Перловую крупу и рись кладутъ въ супъ.

3) На столѣ стоятъ кувшинъ, кастрюля и нѣсколько тарелокъ.

4) Какъ мокро! Кусты склонили свои вѣтви и на каждомъ шагу попадаютъ лужи.

5) Скоро зажурчитъ отъ весеняго тепла ручей.

6) Гвозди, камни и колья лежатъ на землѣ.

7) Часто насъ страшитъ миръ тайнъ.

(Предложила Шета Мякишева).

III.

Найти шесть словъ, означающихъ названія:

- 1) Страны свѣта.
- 2) Города Англій.
- 3) Города на Волгѣ.
- 4) Притока Волги.
- 5) Города близъ Москвы.
- 6) Города Франціи.

Отнять отъ этихъ словъ по первой буквѣ, такъ чтобы изъ вторыхъ буквъ получилось названіе одной изъ столицъ Европы.

Какія это слова и какая это столица?

(Предложила Стрекоза).

IV.

Даны три слова означающія:

- 1) То, чѣмъ пахутъ землю,
- 2) Надоѣдливое насѣкомое,
- 3) То, что водится въ рѣкѣ.

Первая и послѣдняя буква каждого изъ этихъ трехъ словъ составляютъ слогъ; значитъ, такихъ слоговъ выйдетъ три.

Изъ этихъ трехъ слоговъ составить новое слово, которое должно означать названіе города по большой русской рѣкѣ.

(Предложилъ Тушканчикъ).

V.

Отъ каждой изъ нижеслѣдующихъ фразъ взять по одному только слову, составить изъ этихъ словъ загадку и разгадать ее:—

- 1) Что поѣешь, то пожнешь.

2) Надъ рѣкой туманъ поднялся.
3) Нами овладѣлъ ужасъ, намъ страшно...

4) Вверхъ по Волгѣ плыть труднѣе, чѣмъ внизъ, по ея теченію.

5) Ногами правды не затопчешь, она изъ-подъ земли закричитъ.

Какая это загадка?

(Предложила Вѣрочка Н.).

VI.

Стояла уха. Въ нее попала муха. Пришелъ неучъ Ерема и съѣлъ эту уху съ мухой.

Какое здѣсь растеніе?

(Предложилъ Чижики-чижики гдѣ-ты-быль.)

Разгадки шарадъ и головоломокъ, помѣщенныхъ въ № 7 „Золотого Дѣтства“.

Шарада: Комъ + потъ = Компотъ.

Головоломка № 1: Колоколь къ вечернѣ христіанъ зоветъ, завтра воскресенье, отдыхъ отъ работъ.

Головоломка № 2: Гуси, воронъ, аистъ, чижъ, чайка, орель, сова.

Шарада - шутка: Мышь + якъ = Мышьякъ.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Нина Трояновичъ-Плютовская въ СПб., Наташа Бѣлоножкина въ СПб., Манюня Діамантиди изъ Ростова-на-Дону, Муся Съдлецкая изъ Холма, Шета Мякишева изъ Севастополя, Нѣкто въ сѣромъ, Шура Л. и Аня Родопулосъ изъ Ростова-на-Дону, Жанне Meunier, Нина Гаккель изъ Гатчины, Адя и Толя Зильберкрейнъ изъ Ополя, Люблин. губ., Люціанъ Янковскій изъ Нижнеднѣпровска, Таня Пономарева изъ Харькова, В. и Л. Милоченко изъ Сорочинецъ, Надя и Люба Слободзинскіе изъ Николаева, Вѣра Когутова, Зина Демьяновичъ изъ Пултука, Миша Магитъ изъ Ливенъ,

Андрюша Оедотовъ—донской казачекъ, Котя и Катя изъ Харькова, Маруся Русакова изъ Мѣны, Тая Безсонова, Владиміръ и Борисъ Лозинскіе изъ Риги, Володя Поповичъ изъ Горы-Горокъ, Гретя Соломатина, Коля Скомпскій изъ Варшавы, Зоя Скомпская изъ Варшавы, Жоржъ Межакъ, Паля Абрамовъ въ СПБ.

Н. и Б. Жданъ-Пушкины изъ Пскова, Николай Романовскій, Толя Романовскій, Сережа и Павлуша Бровцевы, Нина Бриксъ.

Вѣрно нашли входы въ Лабиринтъ: Паля Абрамовъ въ СПБ., Нина Петренко изъ Кіева.

Кромѣ того прислали вѣрныя рѣшенія задачъ изъ предыдущихъ М.М.: Манюня и Боря Діамантиди изъ Ростова-на-Дону, Ваня Любовиковъ изъ Колянура (Яранскъ), Николай Астафьевъ, Коля Лажечниковъ изъ Москвы, Вѣрочка Петрова изъ Липецка.

Милыхъ подписчиковъ, присылающихъ намъ свои головоломки, задачи и проч., очень просимъ присылать также и ихъ рѣшенія. Безъ рѣшеній задачи напечатаны быть не могутъ.

ПОЧТА «ЗОЛОТОГО ДѢТСТВА».

I.

Милые товарищи по журналу.

Мнѣ 11 лѣтъ, я живу въ Петербургѣ, пока хожу въ приготовительную школу, а съ осени меня отдадутъ въ Институтъ. Я очень хочу туда поступить, меня интересуютъ институтская жизнь, о которой я много читала. Изъ «Золотого Дѣтства» я пока мало читала, такъ какъ получаю его только съ 26-го января, когда мнѣ его подарила тѣтя Надя на именины. Напишу объ этомъ въ другой разъ. Женя Бергъ спрашивала, кто былъ за границей? Я была въ Швейцаріи; мы съ мамой жили около Женевы въ Champel les Vains, затѣмъ я была въ Исполинскихъ горахъ, въ Силезіи, въ Киссингенѣ, Кранцѣ, на берегу моря, нѣсколько разъ въ Берлинѣ и въ Кенигсбергѣ. Мнѣ очень бы хотѣлось много рассказать объ этомъ, но сразу вѣдь нельзя писать такое длинное письмо, пожалуй не напечатаютъ.

Муся Голина.

II.

Милый Донской казачекъ! Спѣшу отвѣтить на ваши вопросы. Я живу въ г. Омскѣ. У меня

есть два брата и одна сестра. Я съ братьями и сестрой выстроила пещеру изъ снѣга. До двѣнадцати часовъ мы занимаемся уроками, а послѣ идемъ гулять. Мы проваливаемся въ снѣгъ очень глубоко, и это намъ доставляетъ большое удовольствіе. Мнѣ понравились рассказы: «У бабушки», «Чужое имя», и «Гувернантка». Я очень люблю читать и очень много читаю. Рассказъ «Барри» я не читала, потому что я стала получать журналъ только съ 1909 года. Мое любимое занятіе читать и играть на роялѣ. Я играю уже по нотамъ. Милый Донской казачекъ! Напишите, сколько Вамъ лѣтъ? Кто изъ подписчиковъ играетъ на роялѣ? Я живу у тети и дяди. Весной тетя думаетъ ѣхать въ Швейцарію и я съ ней поѣду. Кто изъ подписчиковъ былъ въ Омскѣ? У меня есть много подругъ.

Маруся Волкова.

III.

Милый Вася Оловяниковъ! Спѣшу отвѣтить на вашъ вопросъ. Я тоже очень люблю читать тѣ рассказы, которые долго не кончаются. Милые товарищи! У меня есть кошка и собака. Кошку зовутъ Котька, а собаку Кадо. Еще у меня есть тритоны. Четыре большихъ, и три маленькихъ. Я хотѣла бы ихъ какъ-нибудь назвать. У кого еще есть тритоны? Я очень люблю читать. Шарady, ребусы и головоломки я тоже очень люблю разгадывать. Я иногда сочиняю рассказы. Недавно я сочинила рассказъ: «Двѣ куклы. Въ прекрасномъ тѣнистомъ саду, въ красивой бесѣдкѣ сидѣли двѣ куклы. На одной изъ нихъ было бѣлое шелковое платье, обшитое кружевами. Каштановые волосы ея были красиво причесаны, а на нихъ была одѣта бѣлая шляпа. На ножкахъ у нея были красивые чулочки, а на рукахъ бѣлыя лайковыя перчатки. Она могла вся двигаться, и закрывать прелестные голубые глазки.

Эта кукла—богатой дѣвочки. Кукла эта называлась Лидой. Другая кукла, наоборотъ, была некрасивая, не могла закрывать глаза и не могла двигаться. Одѣта она была въ грубую, но чистую блузку. Это была кукла бѣдной дѣвочки. Звали эту куклу Маша. И вотъ онѣ заговорили про свое житье-бытье».

Конецъ этой сказочки я напишу въ слѣдующемъ номерѣ «Золотого Дѣтства».

Нина Тронявичъ-Піотровская.

IV.

Милая Редакція. Я живу съ мамой и съ тетей въ Парижѣ. Мы наняли себѣ квартиру недалеко отъ Триумфальной арки, но все время намъ холодно, такъ какъ въ Парижѣ двойныхъ рамъ не вставляютъ и печей не топятъ. Мы часто по подземной желѣзной дорогѣ ѣздимъ въ старый Парижъ и гуляемъ по бульварамъ и по площади Согласія. Мама и тетя водили меня въ музей Гревена на Итальянскомъ бульварѣ, гдѣ я видѣла Наполеона, точно настоящаго, и первыхъ христіанъ въ катакомбахъ. Все это фигуры, но сдѣланы, какъ живыя. На четвертой недѣлѣ поста у насъ въ Парижѣ будетъ карнавалъ; всѣ будутъ наряжены въ разные костюмы и будутъ въ костюмахъ гулять по улицамъ. Мама общала и мнѣ шить костюмъ. Мы бываемъ часто въ русской церкви и намъ кажется тогда, что мы въ Россіи. Кто еще былъ въ Парижѣ?

Лида Смирнова.

V.

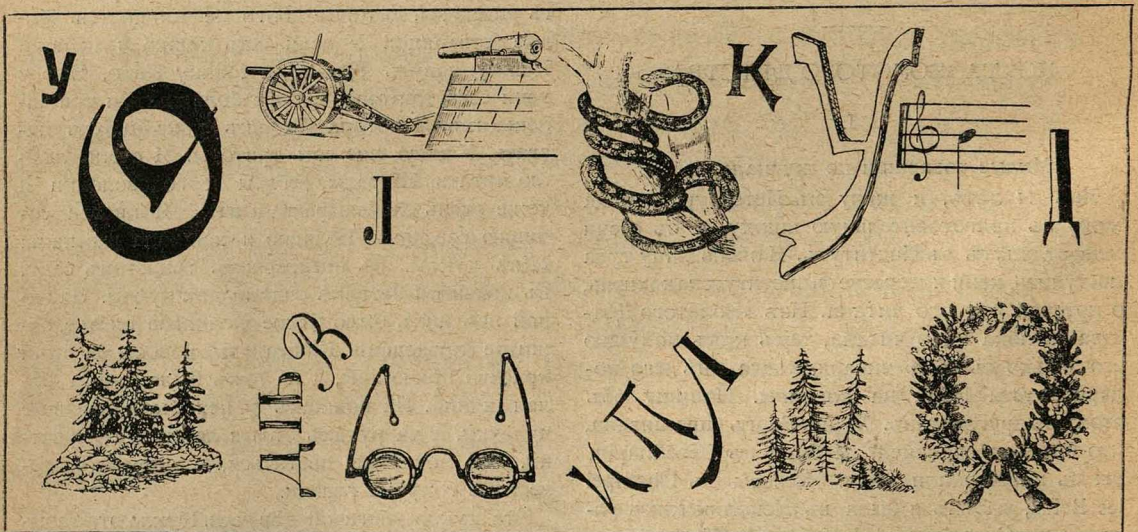
Милая подруга Галя!

Какъ мы обрадовались, прочитавши Ваше письмоизъ Николаевска! Николаевскъ—наша родина, но мы маленькими дѣвочками уѣхали отсюда. Мнѣ было 6 лѣтъ, а сестрѣ Зинѣ 1 годъ; теперь мы уже большія: мнѣ 11 лѣтъ, а Зинѣ 6 лѣтъ. Я учусь третій годъ; буду сдавать экзаменъ въ гимназію. Есть ли у васъ въ Николаевскѣ гимназія? Нашъ городъ Чистополь тоже маленькій, стоитъ на большой рѣкѣ Камѣ. Лѣтомъ по ней ходятъ хорошіе пароходы. Лѣтомъ здѣсь очень хорошо, кругомъ лѣса. Въ Чистополѣ много татаръ. Въ нашемъ классѣ есть дѣвочка-татарка, она считается первой ученицей въ классѣ. Свой журналъ «Золотое Дѣтство» мы читаемъ съ удовольствіемъ. Зина заучила наизусть «Зайка и Котикъ» и «Счастье».

Сестры Тоня и Зина Шашины.

РЕБУСЪ № 5.

Вниманію гг. подписчиковъ.

Изъ номеровъ журнала „Золотое Дѣтство“, взятыхъ редакціей обратно изъ книжныхъ магазиновъ, ей удалось составить 82 полныхъ годовыхъ экземпляра „Золотого Дѣтства“ за прошлый годъ. Въ этихъ экземплярахъ помѣщены такъ понравившіеся читателямъ романы „Барри“ и „Подкидышъ“.

Цѣна со всеми приложеніями—по 3 рубля за полный годовой экземпляръ. Пересылка по разстоянію за счетъ покупателя. Можно выслать наложеннымъ платежемъ.

ГОДЪ ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА

При каждомъ номерѣ приложенія (выкройки, игры, картонажы для склеиванія, литературныя и другія).

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ **3 р. 80 к.**,
на полгода — **2 рубля.**

Подписка принимается: въ **Конторѣ** журнала „Золотое Дѣтство“, **С.-Петербургъ, Матвѣевская ул., 3**, и въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени» (Невскій, 40), Т-ва М. О. Вольфъ (Гостиный Дворъ и Невскій) и Н. П. Карбасникова (Гостиный Дворъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

За перемѣну адреса — 28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

ЧАСТНАЯ ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗІЯ
В. Ѳ. ѲЕДОРОВОЙ

Съ правами гимназій Минист. Народ. Пров. для учащихся

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ПЛУТАЛОВА УЛ., СОБ. Д., № 21. 3-й домъ отъ большого пр.

Телефонъ 239—75.

При гимназій имѣются: три приготовительныхъ класса и ДѢТСКІЙ САДЪ для мальчиковъ и дѣвочекъ отъ 4-хъ лѣтъ.

Особенное вниманіе обращено на изученіе языковъ и на физическое и эстетическое развитіе учащихся.

КАНЦЕЛЯРІЯ ОТКРЫТА: отъ 10 час. утра до 12 час. дня (кромѣ праздниковъ) и отъ 6 до 7 час. веч. ежедневно (кромѣ субботы).

ПЛАТА отъ 60 до 130 р. въ годъ, въ VIII кл.—150 р. въ годъ.

КЪ СВѢДѢНІЮ ОКОНЧИВШИХЪ И ОКАНЧИВАЮЩИХЪ
ЖЕНСКІЯ ГИМНАЗІИ И ИНСТИТУТЫ:

Открытъ VIII-й дополнительный педагогическій и общеобразовательный классъ для лицъ, желающихъ получить подготовку: 1) на аттестатъ зрѣлости, 2) для поступленія на Высшіе Женскіе Курсы, 3) къ педагогической дѣятельности и аттестатъ на званіе домашней наставницы или учительницы.

Импюция аттестатъ объ окончаніи гимназій или института принимаются **БЕЗЪ ЭКЗАМЕНА.**